

РАЗДЕЛ 1. СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Бесконечные монголо-татарские рати на протяжении второй половины XIII в., от которых больше всего страдали южные и юго-западные древнерусские земли, сделали свое дело. К началу XIV в. древний Киев полностью утратил свое значение не только стольного города и политико-экономического центра древнерусских земель, но и, после отъезда в 1300 г. в северо-восточные земли православного митрополита, потерял значение духовного и культурного центра. Последующие столетия ознаменовались не только золотоордынским господством, но и ожесточенной борьбой за древнерусское наследие между Литвой, Польшей и Московским государством. Первым успехом на этом поприще достигло Великое княжество Литовское.

Литовский период истории древнерусских земель — достаточно длительный и важный этап их развития. Реконструкция не только политических и социально-экономических, но и историко-этнических процессов этого периода составляет одну из важных задач современной восточнославянской медиэвистики. Осуществление таких исследований выглядит наиболее перспективно на основе регионального принципа, тем более что, как известно, Великое княжество Литовское представляло собой конгломерат отдельных земель, которые на протяжении XIV—XVI вв. сохраняли значительные локальные особенности, генетически восходящие к более ранним периодам их исторического развития.

Период существования Великого княжества Литовского до унии 1569 г. оценивается некоторыми историками как время существования Литовско-Русского государства, которое сохраняло традиции Древнерусского государства. Другие исследователи убеждены, что в это время шел процесс превращения русских земель в литовскую провинцию. Такие разногласия связаны с тем, что время пребывания русских земель в составе Великого княжества Литовского имеет одну важную особенность: оно состояло из разных по продолжительности и содержанию периодов, в рамках которых доминировала то одна, то другая тенденция.

XIV век — время интенсивного увеличения территории Великого княжества Литовского. Свое проникновение на Русь Литовское княжество начало еще со времен Миндовга (1230—1263 гг.). Тогда главным объектом стали западнорусские (белорусские) земли. Во времена его преемника Гедимина (1316—1341 гг.) начинается экспансия в юго-западные древнерусские (укра-

инские) земли. Вместе с другими древнерусскими землями (Волынь, Подолия, Киевщина) в состав Литовского государства вошла Северская земля.

Утверждение литовского господства в Северской земле имело длительную предисторию. В источниках начала XIII в. отмечены первые столкновения местных князей с литовцами. Под 1203 или 1204 гг. в Новгородской Первой летописи записано: “победиша Олговица литву, избиша их 7 сот и 1000”¹¹. В Московском летописном своде конца XV в. встречаем известие, что в 1220 г. “приходиша литва и воеваша волость Черниговскую и постиг их, изби всех, а полон отъят”¹². Безусловно, в этот период речь может идти о спорадических набегах литовских дружин с целью грабежа. После монгольского нашествия ситуация в корне меняется в сторону значительной военной активизации Литвы в этом регионе.

В середине XIII в. князь Миндовг (Миндаугас) объединил воинственные языческие племена литовцев, чтобы дать отпор экспансии Тевтонского ордена немецких крестоносцев, который возник на прибалтийской земле. Из этой борьбы литовцы вышли объединенными и сильными как никогда ранее. Почувствовав свою военную мощь, литовские военные дружины пытаются проявить ее в древнерусских землях, находящихся под властью Золотой Орды. В 1258 г. воевода Миндовга Хвал “иже велико убийство творяше земле Черниговской”, а в 1263 г. “послал бяшетъ Миндовг всю свою силу за Днепр на Романа на Брянского князя”¹³. Однако во второй половине XIII в. “заднепрянские князи” находились целиком и полностью “в воли татарской”¹⁴ и военные походы литовцев не принесли им территориальных приобретений.

В белорусско-литовских летописях широкой редакции имеются рассказы об основании литовцами вскоре после монгольского нашествия на русских землях города Новгорода (современный Новогрудок), о военных сражениях литовских князей с царем Заволжской Орды и о поражении “того царя, и всю его мощь татарскую” и о походе на Русскую землю и взятии городов Мозырь, Чернигов, Стародуб и Карачев¹⁵. Эти рассказы впоследствии попали в “Хроники” М. Стрийковского, И. Бельского, Ф. Софоновича и в украинский хронограф¹⁶. Однако современные исследователи считают, что белорусско-литовские летописи датируются первой половиной XVI в. и отмечены ярко выраженной политической тенденциозностью, в частности стремлением доказать исторические права Великого княжества Литовского на Северскую землю, которая с начала XVI в. находилась в составе Московского государства.

Это и объясняет легендарный характер приведенных выше рассказов¹⁷.

Легендарный характер имеет и рассказ о завоевании Волыни и Киевщины князем Гедимином, в котором среди киевских “пригородков” покоренных Гедимином, называется и северский Путивль¹⁸. На рубеже XIX—XX вв. в исторической литературе развернулась дискуссия о достоверности данного рассказа. В то время победило мнение историков В. Б. Антоновича, Р. В. Зотова, Ф. И. Леонтовича, О. Е. Преснякова о недостоверности данного рассказа. Точку в данной полемике поставил П. Г. Клепатский, который, проанализировав все аргументы “за” и “против” включения Северщины в состав Великого

княжества Литовского Гедимином, пришел к выводу, что рассказ широкой редакции литовско-русской летописи о завоевании Киева времен Гедимиана не известен из других, более ранних источников и имеет против себя множество никем пока не опровергнутых возражений¹⁹. Однако вскоре после выхода в свет работы П. Г. Клепатского появляется публикация М. Д. Приселкова и М. Р. Фасмера “Отрывков В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века”²⁰, которая послужила толчком к пересмотру мнения о легендарном характере литовского завоевания Киева в 30-х гг. XIV в. С этого времени в исторической литературе преобладает мнение о литовской супрематии над Киевом и округой со времен Гедимиана²¹. Современная украинская исследовательница О. В. Русина подвергла текст отрывков В. Н. Бенешевича скрупулезному источниковедческому анализу и пришла к выводу об отсутствии веских доказательств историчности Гедиминова завоевания Киева²².

Итак, концепция присоединения к Литовскому государству Северских княжеств в 20—30-х гг. XIV в., активно пропагандируемая М. Стрийковским на основании недостоверных источников XV—XVI вв., несомненно, была элементом официальной идеологии и инструментом в дипломатической практике XVI—XVII вв. Что касается действительного времени вхождения Северских княжеств в состав Великого княжества Литовского, то О. В. Русина считает, что единственный населенный пункт на Северщине, относительно которого есть определенные свидетельства достоверных источников, — это Брянск. Осенью 1356 г. “воевал Олгерд Брянск и Смоленск”, а в следующем году Смоленский князь Василий “приде из Орды, сел на княженьи в Дьбряньске; и, мало пребыв... преставися; и бысть в Бряньске лихостию лихих людей замятня велика и опустенье града; и потом нача обладати Ольгерд Брянском”²³. По мнению некоторых исследователей, благодаря деятельности пролитовски настроенных групп местного боярства, процесс утверждения в Брянске Ольгерда носил сравнительно мирный характер и произошел примерно в период между 1357 и 1360 гг.²⁴ Однако покорение Брянска нельзя отождествлять с включением всей Северской земли в состав Великого княжества Литовского. Действительно многие исследователи называют Брянск этого времени “центром”, “главным городом” Северской земли²⁵, но это не совсем верно. Брянск с середины XI в. принадлежал черниговским князям, а во второй половине XIII в. даже стал ненадолго их резиденцией (в связи с монгольским завоеванием), но уже в 90-х гг. того столетия оказался под контролем смоленских князей²⁶. Соответственно, борьба Ольгерда за Брянск представляла собой один из аспектов литовско-смоленских отношений, стремление Литвы вернуть себе контроль над Смоленском, утраченный в начале 1350-х гг.²⁷

По мнению О. В. Русинной, для разрешения вопроса о присоединении Северщины к Великому княжеству литовскому, важным является факт одновременного перехода под власть Ольгерда Брянска и Киева, которые находились под непосредственным контролем Орды, о чем свидетельствует участие Орды в брянских делах первой половины — середины XIV в. и присутствие ханского баскака в окружении Федора Киевского, которого (или его тезку) со

временем заменил сын Ольгерда Владимир²⁸. Возможны два варианта развития событий на Киевщине: или Владимир Ольгердович сразу признал превосходство Орды, или, по мнению Грушевского, “о своих правах на Киев татарские властители вспомнили и напомнили литовским князьям” позже²⁹, после окончания феодальных усобиц в Орде, которые вспыхнули после гибели хана Джанибека (1357 г.). Известно, что на протяжении 1359–1361 гг. в золотоордынской столице Сарае сменилось семь ханов, а в 1362 г. Орда распалась на две части с границей по Волге. Последующие два десятилетия, до прихода к власти Тохтамышша (1380 г.), были заполнены напряженной борьбой между сарайскими правителями и марионеточными ханами волжского Правобережья³⁰. Впрочем, не следует преувеличивать масштабы ослабления Орды. Фактический правитель ее правобережной части — Мамай — удержал под своей властью земли западнее Волги, подавив сепаратистские выступления феодалов своего улуса. Поэтому взаимоотношения между правобережной Ордой и Литвой строились в этот период, скорее всего, не на военном противоборстве, а на принципиально иной основе — договорной. В современной литературе было высказано предположение о возможности заключения какого-то компромиссного соглашения в середине 60-х гг. XIV в., когда обозначилось сближение Литвы и Орды в политико-дипломатической сфере³¹.

Таким образом, инкорпорацию северских земель в состав Великого княжества Литовского было осуществлено в 50—60-е гг. XIV в., скорее всего, на договорных началах, в форме кондоминиума, что предусматривало сохранение даннической зависимости оккупированных Литвой территорий от Орды. Подобный режим существовал и на галицких землях, захваченных Польшей, о чем свидетельствует письмо папы Иннокентия XI королю Казимиру от 1357 г., где он намекает последнему, что тот продолжает платить татарам ежегодную дань с подвластных ему русских земель. Аналогичным был и статус Луцкой волости Любарта по соглашению 1366 г.³² Только признание ордынского верховенства дало возможность Ольгерду распространить свой политический контроль на Юго-Западную Русь, причем сразу, а не поэтапно, как это осуществлялось в других регионах. Это объясняет отсутствие известий о присоединении, в частности, северских земель к Литве, его как бы “незаметность” для тогдашних хронистов. Кстати, зависимость от Орды рассматривалась последней как вполне реальная, не случайно значительно позже, в 1514 г. крымский хан Менгли-Гирей требовал от Василия III, чтобы тот вернул Литве Северщину, выступая как ее суверен: “Область наша к нам тянет: Брянск, Стародуб, Почап, Новый городок (Новгород-Северский), Рылеск, Путивль, Карачев, Радогощ, — те писаные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему слову”³³.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в современной украинской исторической литературе делается очевидный акцент на так называемое “бархатное” литовское проникновение в древнерусские (современные украинские) земли. Пишется, что население приветствовало войска Ольгерда во время продвижения вглубь славянской территории, что литовская власть, сме-

нившая жестокою ордынскую, была мягкой и толерантной, что в конечном итоге произошло ослабление литовских правителей и, созданное без особых завоевательских усилий, новое государство представляло собой государство, в котором от народа-завоевателя осталось только название³⁴.

Несомненно, общеизвестны факты влияния православия на территории Литовского государства, использование в качестве правовой основы государства “Русской правды”, русского языка в качестве государственного и многое другое. При этом нужно помнить, что собственно литовские этнические земли составляли в этот период лишь десятую часть государства и его правители, чтобы удержать под своей властью присоединенные территории, вынуждены были придерживаться правила: “Старого не менять, нового не внедрять”. С другой стороны, признавая факт даннической зависимости Литвы от Орды, не возможно не задаться вопросом: на чьи плечи легла эта двойная дань? Ответ очевиден — на население древнерусских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Кроме того, процесс ассимиляции завоевателей, о котором так часто пишется в литературе, не завершился. События развернулись несколько иначе. Начиная с правления Ягайла (1377—1392 гг.) в Литовском государстве все больше набирают силу тенденции сближения с Польшей, а Кревская уния 1385 г. коренным образом меняет положение юго-западных русских земель. Видимо, не такой уж радужной была эта двойная зависимость, как видится это сегодня некоторым украинским авторам, на мнение которых, очевидно, сказались политико-идеологические пристрастия.

Таким образом, нет оснований считать, что во второй половине XIV в. в результате военной активности Литовского княжества, и в первую очередь Ольгерда, была ликвидирована зависимость южнорусских земель, в том числе и Северской земли, от Орды и только со временем ордынская супрематия возобновилась. Эти представления сформировались более поздней традицией и прежде всего белорусско-литовскими летописями XVI в., в которых династическим претензиям московских властителей на “всю Русскую землю” противопоставлялось право завоевания (“право меча”), целиком приемлемое в средневековую эпоху XV как историко-юридический аргумент.

В последней трети XIV—XV в., по словам М. С. Грушевского, Северщину держит маленькая группа второстепенных членов Гедиминовой династии, получившие свои волости от сильнейшего литовского князя (то есть Ольгерда), который роздал их в держание³⁵. Владея своими уделами “с руки” великого князя литовского, северские князья оставались в сфере верховного права “господаря”, соответственно всякое великокняжеское пожалование фактически было “до воли господарской”, так как перемещение князей с удела на удел, соответственно потребностям внешне и внутреннеполитической конъюнктуры, были типичным явлением того времени.

Выражение вассальной зависимости северских князей от великого князя литовского проявлялась в “послушестве”: уплате ежегодной дани, при необходимости, предоставлении военной помощи “господарю”. В остальном владельцы князей оставались практически автономными единицами Литовского

кого государства. Хорошо характеризует масштаб их суверенитета факт чеканки собственной монеты одним из могущественнейших северских князей — Дмитрием Корибутом³⁶.

В известных нам источниках среди литовских уделов в Северской земле наиболее полно представлен брянский³⁷, известный как владение князя Дмитрия Ольгердовича, который выступает не только как брянский, но и как трубчевский князь. Впрочем, количество данных о Брянске в последней четверти XIV в. является мизерной в сравнении с первой половиной этого века, поскольку, по наблюдениям Л. Л. Муравьевой, с подчинением его Литве “цепь брянских известий в летописях прерывается”³⁸. В сравнении с упоминаниями брянских князей, данные летописей о Чернигове и его владельцах в конце XIV в. почти отсутствуют. Единственное упоминание о Чернигове встречается в Евреиновской летописи и связано с указанием на Чернигов и Чарторыеск как на удел Константина Ольгердовича, который, очевидно, сменил там Романа Михайловича в начале 1370-х гг.³⁹.

Характерная для Северской земли долитовского периода административно-территориальная раздробленность, сохранилась и в литовское время. Способствовали такому сохранению переделы уделов между Гедиминовичами, вызванные периодическими отъездами на протяжении XIV—XV вв. из Великого княжества Литовского северских и верховских князей и их бояр в Московское государство и обратно. Уже в конце 1370-х гг. на сторону Москвы перешли некоторые литовские князья: Андрей Полоцкий, Дмитрий Вольнский и Владимир Серпуховской, которые в 1379 г. осуществили рейд вглубь северских территорий, в результате которого на службу к великому князю московскому перешел Дмитрий Ольгердович Трубчевский⁴⁰. К этому факту истории Великого княжества Литовского неоднократно обращались в своих исследованиях специалисты, споря о точности даты события и его достоверности⁴¹. Факт отъезда Дмитрия Ольгердовича не был чем-то экстраординарным. В 1408 г. на московскую службу перешел князь Свидригайло Ольгердович, а с ним ряд черниговских, стародубских и брянских бояр. В 40-е годы XV в. участники феодальных усобиц в Московском государстве неоднократно находили убежище за литовским рубежом⁴². Таким образом, практика смены подданства северскими князьями на протяжении XIV—XV вв. отражала борьбу феодальных групп за сохранение своей власти и влияния.

В 30-е годы XV в. система уделов на территории Северской земли была фактически ликвидирована и практически весь регион (Чернигов, Гомель, Стародуб, Трубчевск, Брянск, Новгород-Северский, Радогощ, Рьльск, Почеп, Мглин) вошел в состав великокняжеского домена⁴³. Однако после гибели Сигизмунда Кейстутовича его преемник на великокняжеском столе Казимир начинает серию земельных роздач, отраженных в одном из документов Литовской Метрики — так называемой книге “данин” Казимира за 1440—1445 гг.⁴⁴ Обращает на себя внимание охват этими актами именно северских территорий в районе Чернигова, Стародуба, Новгорода-Северского, Трубчевска, Рьльска, Почепа, Мглина, Радогоща и др.

Известно, что Казимир пожаловал Брянск, Гомель, Стародуб и “иные многие места” князю Василию Ярославичу Боровскому, который бежал в Литву после того, как Шемяка захватил и ослепил Василия П. Однако княжество Василия Боровского просуществовало недолго: в 1447 г. он покинул Литву и вернулся к активной политической борьбе в Московском государстве⁴⁵. В 1454 г. Стародуб и Гомель были переданы Казимиром ближайшему сподвижнику Шемяки князю Ивану Андреевичу Можайскому; в 1465 г. к этим землям был пожалован Брянск, а в 1496 г. Александр Казимирович жалует Семену Можайскому Чернигов и волости Карачев и Хотимль⁴⁶. Еще один выходец из Московского княжества — князь Иван Дмитриевич Шемячич — получил от Казимира Новгород-Северский и Рьльск. Статус этих земель обрисован в жалованных грамотах князю Можайскому, согласно которым земли получены “ув отчину” с обязательством верно служить великому князю литовскому⁴⁷. Таким образом возрождение системы удельного землевладения на северских землях в середине XV в. связано не с династическими уделами Гедиминовичей, а с обширными вотчинами московских князей, вынужденных из-за политической нестабильности искать прибежище в Литовском государстве. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе⁴⁸, со стороны Литовского государства образование на территории Северской земли княжеств во главе с представителями московской правящей династии объясняется возможностью использования их как претендентов на московский стол.

В эволюции административно-территориального устройства Северщины литовского периода очень велика роль традиции. Особенно это заметно по традиции административной подчиненности г. Путивля Киеву, несмотря на отсутствие непосредственной географической связи его с Киевской землей. По мнению О. В. Русиной, зависимость Путивля от Киева сформировалась на рубеже XIII—XIV вв. в связи с возобновлением на Киевщине традиции княжеского правления, прерванной вскоре после монгольского нашествия. В то время на киевском столе утвердились путивльские князья, но, очевидно, сохранили тесную связь со своей отчиной. Следы этой связи и проявляются впоследствии в виде административной подчиненности Путивля Киеву⁴⁹.

Под непосредственным управлением Литовского государства во второй половине XV в. находились лишь три уезда: Черниговский (до 1496 г.), Брянский (1440—1465, 1485—1500 гг.) и Путивльский (1470—1500 гг.). Согласно данным литовской Метрики, термин “уезд” как название административно-территориальной единицы применительно к указанному региону вошел в употребление в 90-х гг. XV в.⁵⁰ Вся административная власть в уезде сосредотачивалась в руках великокняжеского наместника.

По данным Литовской Метрики можно проследить следующие функции наместника: обеспечение общественного порядка, контроль прибыли с “господарских” земель и “увязанье” в них (введение во владение) пожалованных особ, сбор прямых податей, контроль сбора пошлин, “увязанье” откупщиков, оплата “кредитных” квитанций великого князя⁵¹. Прерогативы наместников ограничивались необходимостью придерживаться “старины”, но на

практике “новины” наместников были не редким явлением⁵². Наместник в своей административной деятельности опирался на “урядников”: конюшего, ловчего, скарбника, поездничего, сокольничего и др. Все эти “уряды”, связанные с определенными “именьями”, находились в “колейном” то есть поочередном держании местных бояр⁵³.

Уезды состояли из волостей, которые управлялись “колейно” местными боярами. Бояре очень дорожили этой сословной прерогативой, так как, управляя в свою очередь волостью, каждый “выбирал на себя” прибыли с волости⁵⁴. Следует отметить, что институт поочередного держания волостей был достаточно распространен на русских землях Литовского государства и давно обратил на себя внимание исследователей⁵⁵.

Рассматривая вопрос о самоуправлении в Северной земле литовского времени, следует отметить институт сотников, фиксируемый в ряде источников⁵⁶. К сожалению, их функции в источниках не очерчены. Исследователи видят в них представителей местного самоуправления в волостях и некоторых городах⁵⁷. Предположение С. Кучинского о существовании в г. Путивле времен правления Казимира магдебургского права⁵⁸, не нашло поддержки у других исследователей. Кучинский в своём предположении опирался на упоминание путивльского войта в реестре “данин” Казимира⁵⁹. Но ещё М. В. Довнар-Запольский отмечал, что в XV—XVI вв. даже в небольших городах представители городских общин на русском праве назывались войтами под влиянием магдебургских городов⁶⁰. О. В. Русина не исключает, что случайное упоминание о путивльском войте может быть связано с фактом существования в г. Путивле иностранной торговой колонии, которая жила на своем, немецком, праве⁶¹.

О состоянии феодального землевладения в регионе дают представления документы времен королей Казимира и Александра. В этих актах⁶², представляющих собой королевские земельные пожалования (“данины”), их подтверждения и судебные решения (“выроки”), наиболее полно представлены Путивльский и Брянский уезды. Королевские “данины” и пожалования светских и церковных феодалов были главным источником роста боярского землевладения в регионе во второй половине XV в. Увеличение боярского землевладения осуществлялось также путем прямого захвата земель или их покупки. Личные владения великих литовских князей на Северщине были очень незначительны. Их личные хозяйства находились преимущественно на землях собственно Литвы (то есть Аукштайтии) и смежных с нею территорий. Впрочем, в актовом материале встречаются редкие упоминания о небольших великокняжеских дворах в Северной земле, которые, не принося существенных доходов, раздавались служилым людям⁶³. Наиболее значительными светскими землевладельцами в Северной земле были два княжеских рода — Шемячичи и Можайские. Их владения сформировались в середине XV века. Многочисленные Гедиминовичи, владевшие северскими землями в последней трети XIV — первой трети XV вв., не укоренились здесь. Исключение составляет лишь Дмитрий Ольгердович, потомкам которого на протяжении второй половины XV в.

принадлежал Трубчевск. С XIV в. до конца XV в. просуществовала вотчина татарских князей Яголдайовичей. Основной причиной неустойчивости крупного княжеского землевладения в Северной земле следует считать феодальные распри 1390-х и 1430-х годов, а также выезды из Литовского государства ряда князей, которые сидели в Северщине.

Сохранилось очень мало данных относительно церковного землевладения в регионе. Оно, несомненно, было. Об этом свидетельствует, в частности, подтвердительная грамота Александра на “данины” чернигово-брянского епископа Нектария своему боярину Григорию Иванову⁶⁴. Сохранилось несколько жалованных грамот и выписей северских монастырей — путивльско-Молчинского, брянского Свенского, новгород-северского Спасо-Преображенского — которые охватывают после литовский период (50-е гг. XVI — начало XVII вв.)⁶⁵ и в которых нет ссылок на традицию, другими словами, этих земельных владений в XV в. могло и не быть. Впрочем, не вызывающим сомнения является факт существования в Северщине литовского времени владений Киево-Печерского монастыря. Об этом в частности свидетельствуют две грамоты Сигизмунда I от 1540 г. с разрешением на возобновление сбора печерскими монахами “за границей”, то есть на территории Московского государства, дани, что “с давних часов хоживала з украинских северских городов, з Стародуба и з Новагородка, к тому монастырю”⁶⁶. После включения Киевщины в состав Польско-Литовского государства, король Сигизмунд-Август по просьбе печерского архимандрита Иллариона Пясочинского утвердил разрешение “по дань до Москвы посылати”⁶⁷, но в условиях Ливонской войны выплата дани фактически прекратилась. По окончании войны в 1583 г. архимандрит Мелентий (Хребтович) обратился к Ивану IУ с вопросом о восстановлении поступления дани “по прежнему преданью и обычаю”, на что из Москвы ответили, что “старые книги в пожар погорели, и на Москве сыскать того не могли”. Тогда думному дьяку Андрею Щелканову было поручено “послать сыскать в те города северские, ис которых городов в Киев к Пречистой Богородице в Печерской монастырь наша милостьня давана”. Иван VI пообещал архимандриту после “сыску” выдать “о той милости указ свой”. Таким образом, актовый материал убедительно свидетельствует о регулярной дани Печерскому монастырю с его северских владений и многие исследователи подтверждают это в своих работах⁶⁸. О. В. Русина предполагает, что земли в окрестностях Новгорода-Северского и Стародуба были пожалованы монастырю князьями Можайскими и Шемячичами, которые во второй половине XV в. владели этими городами⁶⁹. В целом в XIV-XV вв. церковное землевладение в Северских землях, несомненно, значительно уступало по масштабам светскому.

По территории Северной земли проходили важные торговые пути, соединяющие Крым и Северное Причерноморье с Волго-Окским бассейном. Из низовой Днепра купеческие караваны шли сухоходом или по Днепру (“землею или водою”) мимо Черкас и Канева к Киеву, где открывался речной и сухопутный путь на Чернигов и дальше, вверх по Десне, на Новгород-Север-

кий (связанный торговыми путями с Рьльском и Путивлем) и Брянск; оттуда через Брыннь, Серенск, Воротыньск, Калугу, Торусу, Серпухов и Лопасно купцы добирались к Москве⁷⁰. Кроме этого, хорошо известного торгового пути, существовал контрабандный “шлях полем”: от Перекопа по Муравской дороге до истоков Коломака, где поварачивал на Путивль, а от Путивля торговые караваны шли через Новгород-Северский и Брянск или через Новосиль к Москве⁷¹.

Торговые пути через Северскую землю были, прежде всего, транзитными. По ним шли восточные товары: ткани, одежда, ковры, шелк-сырец, пряности, краски, драгоценности, оружие, ладан и пр.⁷² Часть из них, несомненно, реализовывалась на рынках Северщины, а часть вместе с продуктами местных промыслов скупалась московскими купцами. Основными товарами местного производства, пользовавшимися спросом у приезжих купцов были мед, воск и меха. Так, в 1489 г. купцы с Коломны и Можайска приобрели в Путивле сто двадцать кадей меду, сорок пудов воску, двести шкур бобра, сто выдровых шкур, сорок горностаев, семь рысей, сорок лисиц, полторы тысячи белки. Они же перекупали восточные товары: шелк, тафту, атлас, краски, одежду⁷³. В северских городах, как великокняжеских, так и частновладельческих, с купцов взимали таможенные и торговые сборы. Сеть таможен охватывала в 1488 г. Гомель, Новгород-Северский, Радогощ, Трубчевск, Брянск, Стародуб, Чернигов, Любеч и Путивль⁷⁴. Ставки таможенных сборов в то время составляли: в Чернигове — три гроша с воза, два — с вьюка; в Гомеле — два гроша с воза и с вьюка; в Новгороде-Северском, Радогосе, Трубчевске и Брянске — грош с воза⁷⁵. Следует отметить, что в конце XV в. в связи с участвовавшими нападениями татар, объем торговли через Путивль существенно сократился, о чем свидетельствует прогрессирующее уменьшение общей стоимости путивльских таможенных сборов (при сдаче их в аренду сроком на три года). В 1486 г. эта стоимость равнялась 1100, в 1490 г. — 1000, а в 1495 г. — 800 копам широких грошей⁷⁶. Для московских и иностранных купцов более безопасным стал путь Днепром на Смоленск и далее, через Вязьму и Можайск, к Москве⁷⁷. Снижение торговой активности, несомненно, не лучшим образом сказалось на экономической жизни региона.

По документам Литовской Метрики прослеживается процесс замещения натуральной дани денежной, что может свидетельствовать об относительной активизации товарно-денежных отношений в регионе в связи с развитием торговли. Так, в 1496 г. жители г. Дрокова платили великому князю литовскому наряду с традиционными мехами “полшестадесят коп грошей” или стоимостью шкурки бобра, куницы — деньгами⁷⁸. В 1498 г. брянские рыбаки вносили в великокняжескую казну “по два бобры, а кадь рыбы, а за орехи водные... сорок грошей”⁷⁹. В конце XV в., по данным 1527 г., от г. Мглина великому князю литовскому “дани хоживало 50 кадей меду, а поголовщины 50 коп грошей широкие личьбы”⁸⁰. В Северской земле прямой налог имел название поголовщины, но М. В. Довнар-Запольский, опираясь на данные документа 1527 г. обоснованно отмечал, что кратное соотношение дымов с даями дает

все основания считать, что поголовщина накладывается собственно на дым, представляя собой аналог киевской подымщины⁸¹.

По мнению некоторых исследователей, переводя натуральную дань в денежную, великокняжеская казна не просто стремилась унифицировать даннические отношения “господарских” подданных, а шла навстречу новым экономическим отношениям, то есть способствовала развитию обмена и активизации денежного обращения⁸². Думается, что великокняжеская казна просто шла в ногу со временем, а также собственными потребностями и возможностями своих подданных. Материалы монетных кладов XIV-XV вв. свидетельствуют, что в денежном обороте находились кроме литовских и пражских “широких грошей”, польские и генуэзско-крымские (кафинские) монеты⁸³.

Как уже отмечалось выше, активизация торговли была важным фактором развития товарно-денежных отношений и городской экономики. Однако, изменившаяся на рубеже XV-XVI вв. внешнеполитическая ситуация, приведшая к изменению торговых путей, отрицательно сказалась на экономике края. В целом темпы развития северских городов были, видимо, невысокими. Относительно низкая заселенность Северской земли, наличие обширных лесных массивов, богатых дичью и медом, обусловили преобладание традиционных промыслов (охоты, бортничества и рыболовства) в структуре хозяйственных занятий населения. Это существенно отличало Северщину от западных областей Великого княжества Литовского, где в XIV—XV вв. хлебопашество было важнейшей отраслью хозяйства, а начиная с XVI в. хлеб экспортировался⁸⁴. Отставание аграрной сферы определило консервативность общественных отношений, выразившихся в преобладании раннефеодальных форм повинностей (натуральная дань медом, рыбой и мехами), сохранении архаичных элементов в управлении (древнерусская номенклатура “урядов”, держание “урядов” и волостей “колесей”). Вместе с тем следует отметить, что часть промышленной продукции шла на внешний рынок, в отдельные периоды отмечалось расширение посевных площадей и рост внутреннего обмена, что представляло фактор социально-экономического развития.

Неоднозначными были этнические взаимоотношения этого периода. В отечественной литературе превалирует осмысление русско-татарских отношений преимущественно в категориях противостояния, непримиримого антагонизма, что, несомненно, имело место и о чем свидетельствуют эпические произведения и фольклор. Между тем на протяжении второй половины XIII—XIV вв. выработывались и определенные формы сожительства двух этносов⁸⁵. Существовали зоны, где тюркско-славянские контакты отмечались особой интенсивностью, прежде всего в результате наличия в этих зонах оседлого тюркского населения. На основании ярлыков XV—XVI вв. великим литовским князьям Ф. Петрунь локализовал такие контактные зоны⁸⁶. Особое внимание исследователь обратил на ту обстоятельство, с которой в ярлыках описана Путивльщина, относительно которой в них приведено “больше данных, нежели для собственно Киевщины”⁸⁷, в состав которой она тогда входила. Об особом месте этого региона в тогдашних политических взаимоотношении-

ях свидетельствует и требование Менгли-Гирея выделить ему путивльскую дань, предъявленную великому князю литовскому Александру в 1500 г.⁸⁸, а также упоминание Путивля в перечне городов, “что из старины к Перекопской Орде тянули”: “по тем городком дараги (тюрк. — управитель) были и ясаки с тех людей имали”⁸⁹. Видимо, с оседанием в южнорусских землях тюркского населения связано и формирование таких территориальных образований, как упоминаемая в ярлыках “тьма” татарского князя Ягодлая Сарайовича в верховьях Псла, Сейма, Оскола и Северского Донца, которая как отдельный феодал просуществовала до 90-х гг. XV в. К таким же князьям “темниим” принадлежали, очевидно, и предки Глинских, чья “отчина”, Глинск, также фигурирует в татарских ярлыках⁹⁰. И хотя традиционно считается, что основатель этого рода Лекса получил свои владения от литовского князя Витовта, еще Ф. Петрунь предположил, что литовские князья не столько осаждали татар в южном порубежье, сколько переводили местных “тюркских династов на статус обычных землевладельцев”⁹¹. Значительное количество татарских родов в составе южнорусской шляхты XV—XVI вв.⁹² свидетельствует о преимущественно ассимилятивной, а не экстерминативной политике великих князей литовских в отношении тюркского населения их государства. Таким образом можно сказать, что в литовский период как русско-татарские, так литовско-татарские отношения не имели сугубо конфронтационного характера: шел сложный и длительный процесс этнического взаимодействия.

Пребывание Северских земель в составе Великого княжества Литовского продолжалось более полутора веков. В середине XIV в. началось мягкое, “бархатное”, но достаточно активное проникновение в земли бывшего Древнерусского государства. В этот период Литва стремилась толерантно относиться к местному населению, органично воспринимать его традиции и опыт. После заключения Кревской унии (1385 г.) русские земли в составе Литвы окончательно теряют остатки автономии, а с 1480 г. попадают в эпицентр московско-литовского противостояния. Северская земля оказывается театром бесконечных военных столкновений между Москвой и Литвой.

С ликвидацией в 1480 г. ордынского ига, Москва всё громче и активнее заявляет о себе как о центре “собрания земель Руси”. Этому способствовали успехи политики Ивана III в борьбе за расширение своего государства в разных направлениях. В 1478 г. в состав Московского княжества вошла Новгородская земля, а 1485 г. — великое княжество Тверское — один из основных соперников Москвы. Таким образом, под властью Ивана III был объединён основной массив великорусских земель. Последствием этих событий стали изменения в титулатуре великого князя московского: с середины 80-х гг. XV в. он стал именоваться “государем и великим князем всея Руси”. Это не только подводило итоги его политической деятельности, но содержало в себе выразительные претензии на власть над всеми восточнославянскими землями, значительная часть которых находилась в составе Литовского и Польского государств. Уже в 1489 г. Иван III впервые замечает великому князю литовскому и

королю Казимиру: “Наши города, и волости, и земли, и воды король за собою держит”.

В специальной литературе досконально проанализирована та роль, которую играли в формировании внешнеполитического курса Ивана III экономические мотивы и, прежде всего, интересы торговли⁹³. Проблема выхода к северным и западным торговым путям частично была решена присоединением к Московскому государству Новгорода и Твери. В южном направлении принципиальную роль продолжал играть днепровский путь, ведущий в Крым и далее в страны Востока. О заинтересованности русских и великого князя московского в развитии этой торговли в 70-х гг. XV в. информировали свою метрополию, Геную, кафинские купцы⁹⁴. Но условия торговли в южном направлении были в этот период весьма неблагоприятными. Дипломатическая переписка 80—90-х гг. XV в. пестрит многочисленными жалобами московских купцов на притеснения со стороны местной администрации в Киеве, Брянске, Чернигове, Радогоще, Новгороде-Северском, Гомеле и Мценске. Острое недовольство московского купечества вызывало и введение в перечисленных городах нового таможенного сбора — “тридцатого” от стоимости товара⁹⁵.

Московские правящие круги, отстаивая экономические интересы своего государства, активно использовали как дипломатические методы, так и военные. Приграничные конфликты на московско-литовском порубежье не прекращались на протяжении последних десятилетий XV в., что дало основание А. А. Зимину назвать эти события “странною войною”⁹⁶, так как формально война не была объявлена. Результаты этой пограничной войны часто оцениваются в литературе как присоединение к Москве территории Северских земель⁹⁷. Некоторые украинские и литовские источники XVII в. датируют отложение Северщины от Великого княжества Литовского концом 80-х — началом 90-х гг. XV в.⁹⁸ Подробно исследовавшая проблему О. В. Русина пришла к заключению, что, “несмотря на фрагментарность фактов, они выразительно свидетельствуют, что присоединение Северщины в 1500 г. было далеко не таким идиллическим, как это часто изображалось в литературе”⁹⁹.

В конце 1502 г. сложился определенный баланс сил на московско-литовском театре военных действий. Стороны ощущали острую потребность в передышке. В марте 1503 г. совместное литовско-ливонское посольство, сформированное по предложению короля и великого князя Александра, прибыло в Москву для переговоров. Однако достичь договоренности о заключении мира не удалось: литовская сторона требовала возврата захваченных Москвой земель, среди которых основную территорию занимала Северская земля. В ответ Иван III изумленно отвечал: “Нам чего деля (ради чего) великому князю Александру тое своей отчины отступатись?”¹⁰⁰ Когда переговоры окончательно зашли в тупик, литовская сторона, по примеру Ливонии, предложила Москве 6-летнее перемирие на условиях сохранения статус-кво. Перемирие было заключено 28 марта 1503 г. К Москве переходили все северские города: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рильск, Новгород-Северский, Любеч, Гомель, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мглин, Дроков¹⁰¹.

Дальнейшие московско-литовские переговоры “о вечном миру и о докончанье” возобновились в феврале 1504 г., однако ни одна из сторон не проявила склонности к компромиссу. Александр требовал “тые города, и волости, и земли, и воды, отчину нашу, которые ж еси нам без всякое причины забрал, зася нам вернул”. Иван III был не менее категоричен, отстаивая свои “отчинные права”: “Каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему, Александру королю и великому князю, что Русская земля вся... наша отчина; и нам и ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская”¹⁰². Такого же курса придерживался преемник Ивана III, Василий III (1505—1533 гг.) в переговорах с Сигизмундом I, который в 1506 г. сменил Александра на великокняжеском престоле. В результате в 1507 г. вспыхнула новая московско-литовская война. Благоприятные для Москвы внешние обстоятельства (Литва не получила поддержки Ливонии) и развернувшееся в самом княжестве Литовском под лозунгами борьбы с насильственным окатоличиванием восстание Михаила Глинского, привели уже в сентябре 1508 г. к просьбам со стороны литовского правительства о заключении мира. В октябре 1508 г. “князь велики Василей Иванович всеа Руси с королем Жидимонтом мир и вечное докончание взял, а города рускые и с волостми, свою же вотчину, да князей служебных, князя Василя Ивановича Шемякина, да князя Василя Семеновича Стародубскаго, и Новосилских князей, и Одоевских, и Воротынских, и Белевских, и Трубецких, и Масалских, и их вотчинами написал в свою сторону”¹⁰³. Таким образом был юридически оформлен переход Северской земли в состав Московского государства. Закончилось полуторастолетнее пребывание этого региона в составе Великого княжества Литовского.